

Виктория Сасина

Лингвистический портрет Польши в текстах Н. С. Гумилёва

Rocznik Instytutu Polsko-Rosyjskiego nr 2, 82-91

2012

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

Виктория Сасина

**Лингвистический портрет Польши
в текстах Н.С. Гумилёва**

В статье анализируются лингвистические особенности изображения художественного пространства Польши в «Записках кавалериста» и метапоэтике Н.С. Гумилёва. Художник воссоздает геопозитический образ Польши, какой он её увидел в 1914 г. во время Первой мировой войны.

Ключевые слова: Н.С. Гумилёв, пространство, геопозитика, метапоэтика

Николай С. Гумилёв – поистине «энциклопедист мира». В его художественном мире встречаются различные страны: Франция, Китай, Ирландия, Греция, Египет. Во многих странах автор побывал, что позволило ему детально и реалистично описать увиденное.

В Польше писатель побывал несколько раз: во время путешествия в Африку (1909 г.) и во время Первой мировой войны (1914 г.). Хотя Польша представляется писателю «одним из красивейших мест России»¹, встречается небольшое количество разрозненных описаний художественного пространства Польши по преимуществу в метапоэтике и некоторых произведениях автора.

«Записки кавалериста» – это описание военной службы Н.С. Гумилёва в Лейб-Гвардии Уланского полка. В них отражаются реальные исторические события, происходившие во время Первой мировой войны. Описание художественного пространства в тексте строится на контрасте пространства природы и пространства людей (пространство войны). Каждое из этих пространств также имеет антиномичную структуру. Например, пространство природы можно разделить на естественную природу и «обработанную природу». В пространстве естественной природы выделяется несколько уровней:

¹ Н.С. Гумилёв, *Сочинения. В 3 т. Т. 2. драмы; Рассказы.* [в кн.:] Р. Щербаков (сост. и подгот. текста) *Н.С. Гумилев. Сочинения. В 3 т. Т. 2. драмы; Рассказы,* Москва 1991, с. 295.

1. Нижний уровень: *низкорослые ели, тихие запруды, отмели берегов, реки, озёра, буераки, канава, мёрзлая земля, лесная поляна, топь, родная степь, овраги, роща, перелески, низкие пни, брод реки, кустарник.*

2. Средний уровень: *хребет пригорка, отлогий бугор, невысокие тёмные бугорки.*

3. Высокий уровень: *круглая красноватая луна, ясные звёзды, вершина холма, бледное солнце, тучи.*

4. Наименования, которые соединяют все три уровня: *горы, холмы, сосновые стволы, деревья.*

Нижний и средний пространственный уровни условно соотносятся с пространством человека, в то время как высокий уровень недостижим и далёк для человека.

«Обработанная природа» занимает промежуточное место между естественной природой и пространством человека. Здесь выделяются лексемы, семантика которых отражает воздействие человека на природу: *саженные леса, аллеи, сеновал, вспаханное поле, окопы, свеженарубленные ветки, сваленные стволы деревьев.*

Пространство человека имеет свою иерархию: в нём содержатся микрообъекты и макрообъекты. К микрообъектам относятся *мельница, шоссе, невиданная дорога, круто загивавшаяся дорога, гладкая дорога, крыша одиноко стоящей халупы, большая дорога, сарай, крыльцо, двор, окна дома, порог, штаб, заборы, сени, соседняя комната, дом лесника, фабричные трубы местечка Р.*

Макрообъекты обладают свойством обширности, то есть определённый объект изображается автором обобщённо, без подробностей и составных частей. К ним относятся следующие наименования: *железнодорожная станция, сонные местечки, тихие и величественные усадьбы, местность пустынная, ближайшая деревня, район, большая усадьба, дом, большое местечко Р., фольварк, главная улица, переулки, большое имение.* При рассмотрении семантики данных единиц, возможна также их дифференциация по размеру, расположению, протяженности и т.д.

Имплицитно выражается противопоставление мира животных и мира людей: описание животных присутствует лишь

в том случае, когда автор описывает мирную жизнь, спокойное состояние жизни: «Там водятся олени и косули, с куриной повадкой пробегают золотистые фазаны, в тихие ночи слышно, как чавкает и ломает кусты кабан»². Описание присутствия человека начинается только с момента военных действий. Люди отличаются друг от друга степенью причастности к войне, и в связи с этим они не имеют имен собственных, а только делятся на две категории.

1. Военные люди (*добровольцы, германцы, вахмистр, унтер, офицер, неприятель, гусар, коноводы, полковый священник, полковник, начальник дивизии, уланы, кавалеристы, пленные, батальонный командир*). Большинство данных лексем представляют собой наименования военных званий, то есть Н.С. Гумилёв использует профессионализмы для номинации персонажей.

2. Мирные жители Польши (*жители, паненки, старухи, садовник, дети, женщины, патер*). Для обозначения местных жителей автор использует нейтральные наименования, которые не отражают этнических особенностей, хотя имеется описание местного быта и колорита. Например, акцентируется внимание на гостеприимстве местных жителей и их доброте: «И вот теперь я лишён возможности отблагодарить достопочтенного патера (не знаю его фамилии) из деревни (забыл её название) не за подушку в чистой наволочке, не за кофе с вкусными пышками, но за его глубокую ласковость под суровыми манерами»³. Н.С. Гумилёв воссоздает характер местных жителей, которые предоставляли ночлег, еду и уважали военных. Особое место в изображении польской культуры принадлежит описанию еды: *кварка молока, колбаса в сале, парное молоко, варёная картошка, пригоршня мелких, сморщенных яблок, хлеб с салом, кофе, пышки, холодная курица*. Благодаря неоднократному повторению данных лексем создается весьма полная картина традиционной польской трапезы.

Контраст в описании пространства природы и пространства человека присутствует только до начала военных дейст-

² Там же, с. 295.

³ Там же, с. 309.

вий. При конструировании художественного пространства войны начинают сливаться воедино человек и природа, сливаться с целью победить. Так возникает общее пространство человека и природы, которое выражено в многочисленных сравнениях пространства человека с пространством природы: «И, выезжая временами на шоссе, мы слушали глухой, как морской прибой, стук бесчисленных копыт и догадывались, что впереди и позади нас идут другие кавалерийские части...»⁴, «Похоже было на разлив весенних вод, - те же медленность и неуклонность»⁵, «Они с искажёнными лицами бросились врассыпную, и передо мной взвилось облачко пыли»⁶, «Было похоже на полевые молебны о дожде в глухих, далёких русских деревнях»⁷, «Мой слух обжёг не то визг, не то свист, одновременно напоминающий моторный гудок и шипенье большой змеи»⁸.

Постепенно писатель приходит к резкому соединению пространств природы и человека, которое начинается словами: «это были дни больших сражений»⁹, символизирующими определённую границу, за которой начинается другое пространство. В конце «Записок» природа начинает приобретать антропоморфные черты: «Казалось, серое поле ожило, начало морщиться»¹⁰. Война – разрушающая сила, но именно она соединила человека и природу в общем пространстве.

В языке автора война окрашена не столько отрицательными характеристиками, сколько фантастическими и необычными: «Не верилось, что это были отдельные люди, скорее это был цельный организм, существо бесконечно сильнее и страшнее динозавров и плезиозавров. И для этого существа возрождался величественный ужас космических переворотов и катастроф»¹¹. Описание военных действий русской ар-

⁴ Там же, с. 296.

⁵ Там же, с. 297.

⁶ Там же, с. 298.

⁷ Там же, с. 304.

⁸ Там же, с. 307.

⁹ Там же, с. 296.

¹⁰ Там же, с. 310.

¹¹ Там же, с. 310.

мии даётся в торжественной форме: автор гордится тем, что принимает участие в данном действе и принадлежит к русско-му народу: «Дивное зрелище – наступление нашей пехоты»¹², «Происходили сцены прямо чудесного геройства»¹³. В то же время война – это ситуация, которая изменила всё строение мира, изменила пространство и даже забрала имена у людей.

Большое внимание уделяется мерам измерения между объектами, на что автор неоднократно обращает внимание: «...сразу запоминаю, словно фотографирую в памяти, длину и направление»¹⁴. Основными наименованиями единиц измерения между объектами являются:

1. *Верста* – русская мера длины, равная 1, 06 км, применявшаяся до введения метрической системы¹⁵: «Мы ехали вёрст восемьдесят от станции»¹⁶, «Прошли вёрст пятьдесят»¹⁷, «Пространство приблизительно с версту»¹⁸.

2. *Шаг* – расстояние между стопами ног при движении как мера длины¹⁹: «...три колонны, двигавшиеся шагах в пятистах друг от друга»²⁰, «...продвигаются на несколько шагов»²¹, «Шагах в пятнадцати вбок мелькает крадущаяся фигура»²².

3. *Сажень* – поверхность чего-либо, или количество какого-либо материала, равные этой мере²³: «Вправо и влево почти на каждой квадратной сажени валялись трупы немцев»²⁴.

Особенностью данных мер длины является то, что они измеряются «на глаз», то есть приблизительно, что и выражено в семантике фраз: «Нам было поручено наблюдать район вер-

¹² Там же, с. 310.

¹³ Там же, с. 312.

¹⁴ Там же, с. 302.

¹⁵ *Словарь русского языка*: В 4-х т., Москва 1985-1988. Т. 1., с. 152.

¹⁶ Н.С. Гумилёв, *указ. соч.*, с. 295.

¹⁷ Там же, с. 296.

¹⁸ Там же, с. 296.

¹⁹ *Словарь русского языка, указ. соч.*, с. 696.

²⁰ Н.С. Гумилёв, *указ. соч.*, с. 297.

²¹ Там же, с. 297.

²² Там же, с. 302.

²³ *Словарь русского языка, указ. соч.*, с.13.

²⁴ Н.С. Гумилёв, *указ. соч.*, с. 300.

сты в четыре»²⁵. Заметим, что в данном случае без инверсии (*район в четыре версты*) это выражение соответствовало бы критерию большей точности измерения. Автор использует и более абстрактные представления о расстояниях между объектами: «...расстояние между нами почти не уменьшалось»²⁶.

Важным ориентиром в изображении художественного пространства Польши является такой объект, как дорога, образ которой является лейтмотивом всего военного «путешествия» автора и его связующей линией, направлением. В реальной жизни Гумилев проделывает следующий путь по территории Польши: г. Ивангород – г. Радом – д. Одрживоль – им. Потворово – Подчаща Воля, Кльвов, Одрживоль, Ново-Място – р-н. Гречицы – Любохня – ж/д Колошки – д. Катаржиново – д. Грабца – г. Петроков²⁷. М.М. Маковский пишет, что в ментальном смысле символ дороги связан с «судьбой, страданиями и болью»²⁸. Такое понимание ориентира «дорога» свойственно и Н.С. Гумилёву в «Записках»: «...едва мы нырнули по невидимой дороге во мрак, навстречу неизвестности и опасности»²⁹.

«Записки кавалериста» – это XVII глав со вступлением и библиографией, объединённые общей идеей изображения военной службы автора. Описание Польши даётся в главах с III по VI. Но главы имеют ещё и внутреннее членение, которое определяется авторскими отступлениями весьма отвлечённого характера: «Мы расстались друзьями, обещали друг другу писать, но разве такие обещания когда-нибудь сдерживаются?»³⁰, «Кто не знает, что во всяком деле начальные шаги приятнее всех остальных»³¹, «...и зачем только люди придумали земле-

²⁵ Там же, с. 298.

²⁶ Там же, с. 307.

²⁷ Н.С. Гумилёв, *Поэт на войне*. Часть 1. Выпуск 4, <www.gumilev.ru/biography/87>

²⁸ М.М. Маковский, *Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и мир образов*, Москва 1996, с. 274.

²⁹ Н.С. Гумилёв, *указ. соч.*, с. 298.

³⁰ Там же, с. 296.

³¹ Там же, с. 298.

делие?»³². Данные высказывания по содержанию не связаны с описанием военных действий.

Описание пространства Польши наводит автора на «литературные впечатления» от других произведений, что привносит в произведение свойства интертекстуальности и гипертекста: «Лев Толстой в „Войне и мире” посмеивается над штабными и отдаёт предпочтение строевым офицерам»³³, «...он так ярко напомнил мне тех удивительных стариков-отшельников, которые так же ссорятся и дружатся с ночными путниками в давно забытых, но некогда мною любимых романах Вальтера Скотта»³⁴, «Я думал, что только в романах Уэллса бывают такие парадоксы»³⁵. Присутствует также отсылка к стихотворению Ф.И. Тютчева «Цицерон»: «Действительно, по словам поэта, нас призывали всеблагие, как собеседников на пир»³⁶.

Таким образом, географическое пространство связано с литературным пространством, что создает геопозитическое пространство Польши. Этот эффект достигается и с помощью языковой контаминации внутри одного пространства: русский, польский и австрийский языки взаимодействуют на территории польского государства. Внимание автора акцентируется на моментах, когда «жадно запоминаешь слова ещё не слышанного языка»³⁷. Н.С. Гумилёв не заостряет внимание на отличиях польского языка от русского, а отмечает только некоторые исконно польские слова при передаче прямой речи: «Ой, панычи, не езжайте туда, там вас забьют германи»³⁸, «Возьми, пан солдат, то есть добже цукерно»³⁹, «Ой, Матка Бозка»⁴⁰. Для номинации мест пребывания полка и людей, встречающихся солдатам, используются также польские слова, что свидетельствует об органичном восприятии автором данных лексем:

³² Там же, с. 299.

³³ Там же, с. 305

³⁴ Там же, с. 309.

³⁵ Там же, с. 310.

³⁶ Там же, с. 310.

³⁷ Там же, с. 313.

³⁸ Там же, с. 300.

³⁹ Там же, с. 301.

⁴⁰ Там же, с. 296.

1. *Фольварк* – помещичье хозяйство, небольшая усадьба, хутор⁴¹: «...дальше чернел небольшой фольварк»⁴², «До фольварка мы доскакали благополучно»⁴³.

2. *Бивак* – расположение войск для отдыха или ночлега вне населённых пунктов⁴⁴: «На другой день, среди милого безделья покойного бивака...»⁴⁵, «...и мы снялись с бивака по тревоге»⁴⁶.

3. *Уланы* – в некоторых армиях, в том числе русской, – вид лёгкой конницы⁴⁷: «Мы, уланы, беседовали со степенными бородатыми казаками»⁴⁸.

4. *Ксёндз* – польский католический священник⁴⁹: «Ксёндз сидел против меня и сурово меня допрашивал»⁵⁰.

Польские слова специально не выделяются автором, их значение не объясняется, но их огромная роль в жизни военных поясняется автором: «Это – целый спорт, скорее других научиться болтать по-польски, малороссийски или литовски»⁵¹.

Австрийская речь представлена одним словом «кози», которое является ключевой идеей соединения австрийской и казачьей культуры через русский язык: «По дороге унтер-офицер на ломаном русском языке все расспрашивал наших, где „кози“, то есть казаки»⁵².

Наконец, конструирование пространства Польши тесно связано с религиозным компонентом, который, в свою очередь, является частью общего пространства культуры. Религиозное пространство представлено противопоставлением языческой веры, православия и католичества.

⁴¹ *Словарь иностранных слов*, Москва 1988, с. 535.

⁴² Н.С. Гумилёв, *указ. соч.*, с. 300.

⁴³ *Там же*, с. 300.

⁴⁴ *Словарь иностранных слов*, *указ. соч.*, с. 78.

⁴⁵ Н.С. Гумилёв, *указ. соч.*, с. 296.

⁴⁶ *Там же*, с. 308.

⁴⁷ *Словарь иностранных слов*, *указ. соч.*, с. 513.

⁴⁸ Н.С. Гумилёв, *указ. соч.*, с. 305.

⁴⁹ *Словарь иностранных слов*, *указ. соч.*, с. 264.

⁵⁰ Н.С. Гумилёв, *указ. соч.*, с. 308.

⁵¹ *Там же*, с. 313.

⁵² *Там же*, с. 305.

Язычество связано с описанием природы Польши: «Леса сосновые, саженные, проезжая по ним, вдруг видишь узкие, прямые, как стрелы, аллеи, полные зелѐным сумраком с сияющим просветом вдали, – словно храмы ласковых и задумчивых богов древней, ещё языческой Польши»⁵³. Н.С. Гумилѐв находит разницу между пространством мирной Польши и военной. Автор выражает веру в то, что природа станет прежней, вернется к своим языческим истокам: «...я всем своим существом радостно чувствовал, что сюда опять вернуться большие диковинные птицы и птицы маленькие, но с хрустальными, серебряными и малиновыми голосами, распустятся душно пахнущие цветы, мир вдоволь нальѐтся бурной красотой для торжественного празднования колдовской и священной Ивановой ночи»⁵⁴. Иванова ночь – символ языческой веры, так как это «древний народный религиозно-магический земледельческий праздник»⁵⁵.

Католическая вера практически не отражена, она представлена только в отдельных наименованиях: *ксьѐндз* и *патер*.

Православие связывается с мироощущением самого автора, его переживаниями. В «Записках» автор подтверждает значимость веры в жизни, пусть даже только в самые трудные моменты жизни: «Тогда я только придерживал лошадь и бормотал молитву Богородице, тут же мною сочиненную и сразу забытую по миновании опасности»⁵⁶. Вера имеет глобальное значение и объединяет людей в единое целое: «Идти на него (богослужение) не принуждали, но во всѐм полку не было ни одного человека, который бы не пошѐл. На открытом поле тысяча человек выстроились стройным четырёхугольником, в центре его священник в золотой ризе говорил вечные и сладкие слова»⁵⁷. Но православие и язычество также объединяют схожие моменты: «Богослужение было похоже на полевые молебны

⁵³ Там же, с. 295.

⁵⁴ Там же, с. 303

⁵⁵ Большая Советская Энциклопедия, <<http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/89493/Иванов>>

⁵⁶ Н.С. Гумилѐв, указ. соч., с. 299

⁵⁷ Там же, с. 304.

о дожде в глухих, далёких русских деревнях»⁵⁸. Итак, религиозное пространство является частью общего пространства Польши. Религиозный компонент тесно связан с описанием природы, а также внутреннего состояния автора.

Таким образом, пространство Польши воссоздается благодаря взаимодействию таких составляющих, как природа, человек, образ войны, единицы измерения объектов, дорога, авторские отступления, интертекстуальность, лексемы иноязычного происхождения, религия. Данные разноуровневые компоненты связываются на лингвистическом уровне общей идеей описания геопоэтического пространства Польши. Условия, в которых происходит реализация этой идеи, то есть война, не имеют принципиального значения. На первый план выходит авторская мысль о том, что «в таких местах, что бы ты ни делал – любил или воевал, – всё представляется значительным и чудесным»⁵⁹.

Lingwistyczny portret Polski w tekstach Nikolaja Gumiliowa

Artykuł omawia językową specyfikę kreacji wizerunku Polski w metapoetyce Nikolaja Gumiliowa i jego *Zapiskach kawalerzysty*. Autorka odtwarza geoepoetyczny obraz Polski, jaki kreślił rosyjski artysta po pobycie w niej w czasie I wojny światowej.

Słowa kluczowe: Nikolaj Gumiliow, Polska, przestrzeń, geoepoetyka, metapoetyka

Linguistic image of Poland in Nikolay Gumilev's writings

The article is devoted to the analysis of the linguistic image of Poland in N. Gumilev's *Notes of the cavalryman* and his metapoetics. The author describes features of Gumilev's geoepoetic image of Poland during the World War I.

Key words: Nikolay Gumilev, Poland, space, geoepoetics, metapoetics.

Виктория Сасина – магистрант 1 года обучения Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь. Область научных интересов: пространственная и временная организация художественных текстов, семиотика и лингвистика текста, авторская метапоэтика. E-mail: orechovaya@mail.ru

⁵⁸ Там же, с. 304.

⁵⁹ Там же, с. 296.